

ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI <https://doi.org/10.31912/rjano-2021.1.1>

А. Д. ШМЕЛЕВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
shmelev.alexei@gmail.com

ДОПУСТИМАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ОРФОГРАФИИ ИЛИ РАСПРОСТРАНЕННАЯ ОШИБКА?

В статье рассматривается вариативность в написании некоторых русских слов (в их буквенном составе, использовании прописных букв, слитном, раздельном и дефисном написании), а также некоторые другие вопросы русской орфографии. Отмечается отсутствие симметрии в орфографическом и орфоэпическом варьировании. Анализ опирается на разграничение между орфографическими нормами и орфографическими правилами. Выделяются два типа орфографических лакун, связанных с последним разграничением: неустановленные нормы (в том числе вариативные нормы) и отсутствие внятной формулировки правила при наличии ясной орфографической нормы. Делается вывод, что орфографическая вариативность в определенных случаях может быть оправданной. Однако следует различать допустимую орфографическую вариативность и орфографические ошибки, даже если эти ошибки частотны в узусе.

Ключевые слова: орфография, узус, вариативность, норма, кодификация, орфографическая ошибка.

Вступительные замечания

Когда в марте 2012 г. в докладе на заседании Орфографической комиссии РАН и в ноябре 2012 г. в докладе на III Международной конференции «Культура русской речи», посвященной 200-летию Я. К. Грота, я высказал мысль, что вариативность в орфографии не только возможна, но в определенных случаях и неизбежна, я чувствовал, что эта мысль вызвала некоторое внутреннее сопротивление у многих коллег, привыкших исходить из того, что, в отличие от других сфер кодификации языковой нормы, в орфографии почти для каждого случая реальной или потенциальной вариативности в узусе возможно однозначное решение. В этом отношении мне весьма приятно, что в статье [Нечаева, Перцов 2020] проводится сходная мысль и при этом она иллюстрируется многочисленными примерами из реальных грамотных текстов на русском языке, в том числе теми, о которых я вовсе не упоминал или даже не знал.

В то же время мне представляется, что в указанной работе есть важная методологическая неточность, несколько снижающая убедительность ар-

гументации и приведенного иллюстративного материала. Имеет смысл остановиться на этом, в связи с чем я приведу некоторые общеметодологические размышления, сформулированные в упомянутых выше докладах, и примеры, которыми они иллюстрировались, тем более что сами доклады никогда не публиковались. Я кратко остановлюсь на разных типах орфографического варьирования, касающихся буквенного состава слов (в том числе заимствованных), употребления прописных букв, а также слитного, раздельного и дефисного написания языковых выражений.

В качестве предпосылки моего подхода можно упомянуть положение, согласно которому следует разграничивать орфографические нормы и орфографические правила (это разграничение было, в частности, проведено в статье [Шмелев 2009]). Орфографическая норма позволяет охарактеризовать то или иное написание как «грамотное» или «неграмотное», тогда как орфографическое правило формулирует критерии, позволяющие осуществить такое отнесение. Тот факт, что слово *заря* пишется с буквой *а* в корне (хотя форма множественного числа — *зори*), является орфографической нормой, а фраза «в корне *зар—зор* без ударения всегда пишется буква *а*» — орфографическим правилом. Иными словами, орфографические нормы — это сложившееся представление о «правильном» написании, принимаемое грамотным сообществом, тогда как орфографические правила — это формулировки, позволяющие установить, каково «правильное» написание, если пишущий в нем не уверен.

Для одной и той же орфографической нормы иногда можно сформулировать разные орфографические правила, и в таких случаях выбор формулировки зависит от того, насколько она ясна и логична. Более того, в реальной практике кодификации бывают случаи, когда по недосмотру кодификаторов буквальное применение сформулированного ими «правила» приведет к тому, что будет выбрано заведомо неправильное написание. Так, в «Правилах русской орфографии и пунктуации», официально утвержденных в 1956 г. Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР и служивших основным справочником, регулирующим выбор правильных написаний в советской печати на протяжении многих лет, по поводу выбора между написаниями суффиксов *-иц-* и *-ец-* говорилось: «...в существительных женского рода пишется *-иц-*, например: *конница, лестница*» [Правила 1956: 14] и при этом никаких дополнительных оговорок не делалось. Ясно, что авторы данной формулировки просто забыли о слове *хитреца* (и о более редких *кислеца* и *наглеца*); вопреки указанной формулировке, орфографическая норма всегда состояла в том, чтобы писать эти слова с суффиксом *-ец-*.

Соответственно, можно выделить два типа лакун в существующих правилах правописания: лагуну в правилах (когда норма существует и в целом принимается всеми грамотными носителями языка, однако правила орфографии ее не учитывают) и неустановленную норму (когда разные грамотные носители языка предпочитают различное написание одного и того же

языкового выражения, а правила орфографии либо ничего не говорят на этот счет, либо предписывают написание, противоречащее предпочитаемому многими грамотными носителями языка или даже большинством).

Сказанное подводит нас к вопросу: что значит «различное написание одного и того же языкового выражения»? Можно ли считать различные написания *калоша* и *галоша*, *матрас* и *матрац*, *ноль* и *нуль*, *шкап* и *шкаф* различным написанием одной и той же языковой единицы и, соответственно, говорить об орфографической вариативности? Многие коллеги уверенно отвечали, что нет, нельзя. Хотя у этих языковых единиц план содержания тождествен, но план выражения различен и имеет различный фонемный состав; тем самым это разные, хотя и синонимичные языковые единицы.

Однако, пытаясь бескомпромиссно провести такой подход, мы неизбежно сталкиваемся с тем, что далеко не всякое варьирование плана выражения оказывается достаточным для признания языковых единиц различными и для отражения этого варьирования на письме.

Следует сразу оговориться. В последующем изложении не будут приниматься во внимание различные способы отразить особенности произношения в прямой речи персонажей художественных произведений (например, в вопросе Костоглотов в «Раковом корпусе»: «Семьсь пятый — уже?.. семьсь пятый — уже?»). Речь будет идти только о тех написаниях, которые признаются правильными значительной частью образованных носителей языка.

Асимметрия произношения и написания: вариативность фонемного состава или орфографическая вариативность?

Во всех учебных пособиях, в которых заходит речь о разнице петербургского и московского произношения, одним из самых характерных показателей этого различия признается различное произношение постфикса *-сь/-ся*: в старомосковском произношении произносится твердый согласный [с], а в петербургском — мягкий [с']. Независимо от этого, указанное различие в произношении никогда не отражается в написании, хотя, вообще говоря, [с] и [с'] — разные фонемы, находятся они в сильной позиции по твердости–мягкости, так что у нас могли бы быть основания говорить о различном фонемном составе.

Есть случаи, когда данные разных орфоэпических пособий и справочников противоречат друг другу. Так, в словаре [Каленчук и др. 2012] в качестве нормативного произношения последовательности согласных в середине слова *брендспойт* указано [нзб] и отмечается, что произношение [нсп] не рекомендуется. Напротив того, в словаре [Еськова 2015] в качестве единственного варианта произнесения этой группы согласных указывается [нц^сп] и никакие другие варианты даже не упоминаются. Иными сло-

вами, мы имеем дело с противоречивостью мнения экспертов относительно произносительной нормы, и представляется, что допустимым следует признать оба варианта, рекомендуемых словарями¹.

Как бы то ни было, очевидно, что и в случае слова *брендспойт*, и в случае словоформы *боюсь* мы имеем дело с не отражаемой на письме вариативностью произношения (и, очевидно, фонемного состава?) одной и той же единицы². Но ничто не мешает допустить и возможность разного произношения одной единицы, отражаемого на письме. Собственно, так и сделано в «Русском орфографическом словаре» [РОС 2018], в котором мы имеем пары орфографических вариантов: *калоши* и *галоши* (и их производные), *матрас* и *матрац*, *ноль* и *нуль* представлены именно как варианты (правда, *шкап* и *шкаф* описаны отдельно, и к слову *шкап* дана помета «устар. и сниж. к шкаф»).

Возможна и ситуация, когда имеется вариативность в орфографии при едином произношении. В слове *материал* в образцовом произношении после звука [р'] произносится [ja]; в словаре [Еськова 2015] это произношение указано в качестве единственно возможного³. При этом существует и другой вариант орфографической записи этого слова, направленный на то, чтобы точнее отразить произношение, и включенный в [РОС 2018], а именно — *матерьял* (с пометой — *при передаче произношения, в поэзии*). Существенно, что, скажем, в научном тексте написание *материал* практически безальтернативно, и при этом в подавляющем большинстве случаев в устной научной речи это слово будет произнесено с [ja]; таким образом, в нем нет однозначной корреляции написания и произношения. Сходным образом устроено и прилагательное *материальный* (как и наречие *материально* и существительное *материальность*), причем для него в обоих орфоэпических словарях: и [Каленчук и др. 2012], и [Еськова 2015] — для сочетания букв *иа* указывается лишь произношение в один слог, а в [РОС 2018] приведены два варианта написания: *материальный* и *матерьяльный* (второе — опять-таки с пометой *при передаче произношения, в поэзии*). Иными словами, наблюдается асимметрия орфографического и произносительного варьирования: господствует произношение [ja], которое по правилам графики должно записываться как *ья*, а на письме господствует сочетание *иа*, которое могло бы побуждать произносить его в два слога (написание с *ья* воспринимается как маркированное).

¹ О проблемах кодификации нормы в ситуации противоречивости мнений экспертов см., в частности, [Шмелев 2004; 2017a].

² Впрочем, изредка встречается и написание *брендсбойт*: девять примеров в основном и газетном подкорпусах Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) по состоянию на 1 сентября 2020 г. Очевидно, что так пишут те, кто произносит это слово с [нзб], и это написание призвано отразить произношение.

³ В словаре [Каленчук и др. 2012] в качестве допустимых указываются и другие варианты, однако именно произношение с [ja] признается предпочтительным.

Сказанное побуждает обратиться к другим примерам орфографического варьирования написаний *иа* и *ья* в его соотношении с варьированием произношения. В целом в них имеет место сходная асимметрия орфографического и произносительного варьирования, причем не одинаковая для разных слов. Так, для слов *вариант* и *вариация* в словаре [Каленчук и др. 2012] рекомендовано произношение сочетания *иа* в два слога, но при этом с пометой «устарелое» допускается и произношение с [ja]. На письме это варьирование не отражается, и в [РОС 2018] в качестве единственных приводятся написания с сочетанием *иа*. Для слова *диакон* (а также слов *архидиакон*, *иеродиакон*, *протодиакон*) в [РОС 2018] в качестве равноправных приведены и написания с *ья*, и написания с *иа*: *дьякон* и *диакон*, *архидьякон* и *архидиакон*, *иеродьякон* и *иеродиакон*, *протодьякон* и *протодиакон*. При этом господствует произношение с [ja]: и [Каленчук и др. 2012], и [Еськова 2015] не только не упоминают произношение [иа], но и соответствующие слова даны в них только в написании с *ья*⁴. В паре *диавол*—*дьявол* (а также в производных, например *диавольский*—*дьявольский*) [РОС 2018] учитывает только второе написание, и оно же приводится в орфоэпических словарях. Из этого можно было бы заключить, что произношение [иа] вовсе не встречается; на самом деле оно иногда появляется в речи при имитации церковнославянского произношения. Но еще более важно то, что для некоторых текстов написание с *иа* оказывается единственно возможным; в частности, это касается всех изданий синодального перевода Священного Писания.

Мы видим, что вариативность написания *иа*—*ья* и вариативность произношения [иа]—[ja] не полностью соответствуют друг другу и по-разному проявляются у разных слов. Действует одно общее правило чтения: если слово записано с помощью сочетания *ья*, оно практически всегда читается с [ja], а если слово записано с помощью сочетания *иа*, то в зависимости от конкретного слова предпочтительным может оказаться как чтение с [иа], так и чтение с [ja]. Здесь проявляется общая асимметрия орфографического и орфоэпического варьирования.

Другим примером вариативности орфографии, косвенно связанной с вариативностью произношения, может служить варьирование написания *Псалтирь*—*Псалтырь*. Удивительным образом написание *Псалтирь*, хотя в текстах оно встречается весьма нередко⁵, не упоминается в [РОС 2018] (неужели авторы РОС считают его ненормативным?); слово представлено в этом словаре лишь в написании *Псалтырь*. Соответственно, в обоих упомянутых орфоэпических словарях слово приводится только в написании

⁴Заметим, впрочем, что произношение [иа] иногда встречается в церковной или околоцерковной среде.

⁵В НКРЯ в основном корпусе обнаруживаем 443 вхождения написания *псалтирь* и 613 вхождений написания *псалтырь*; при этом в текстах на религиозную тематику написание *псалтирь* встречается даже чаще.

Псалтырь и предусмотрено лишь произнесение его с твердым [т]. Между тем произношение с [т'] не является редкостью. Интересно, что посредством мини-эксперимента мною было установлено, что при чтении вслух текстов, в которых встречается это слово, если оно написано через букву *ы*, его практически всегда читают с твердым [т], но если оно написано через букву *и*, то чтение с мягким [т'] даже преобладает, но чтение с твердым [т] тоже не исключено. Здесь опять-таки имеет место асимметрия орфографического и фонетического варьирования.

Стоит добавить, что в тех случаях, когда вариативность произношения не отражается орфографически, она часто остается незамеченной. Можно иллюстрировать это на примере произношения некоторых русских числительных.

Как мы уже отмечали, в словарях, ориентированных на кодифицированный литературный язык, беглое, неполное произношение, вообще говоря, отражаться не должно — во-первых, потому, что оно недопустимо в отчетливой, тщательной речи, а во-вторых, потому, что возможность такого произношения определяется не индивидуальными особенностями того или иного слова, а общими фонетическими закономерностями, определяющими звуковую строй беглой разговорной речи; и это относится, в частности, к русским числительным [Булыгина, Шмелев 2000: 291; Шмелев 2014: 57]. Поэтому отсутствие в словарях указаний на то, что слово *пятьдесят* в беглой речи может произноситься как [п'с'át], никак не может быть признано «лакуной», и, как уже говорилось, случаи, когда такое произношение отражается на письме в художественной литературе, в данной статье не рассматриваются. Однако для ряда числительных (например, *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят*) некоторая разновидность редуцированного произношения конвенционализуется, становится преобладающей в беглой речи и допустимой даже в ситуациях, которые предполагают отчетливую, тщательную речь, хотя в большинстве орфоэпических словарей это не отмечается [Булыгина, Шмелев 2000: 292; Шмелев 2014: 57]⁶. При этом можно заметить, что для слова *тысяча* такое беглое произношение издавна отмечается на письме в виде *тыща*, и это отражено в [РОС 2018], в котором при слове *тысяча* указан вариант *тыща* (с пометой *при передаче разг. произношения, в поэзии*), а кроме того, написание *тыща* приведено на своем алфавитном месте (с той же пометой). Однако для производных

⁶ Попытка отразить такое произношение была предпринята в словаре [Каленчук и др. 2012]. В нем в вводной статье «Как пользоваться словарем» в разделе «Нормативная характеристика произношения и ударения» отмечается, что помета «в беглой речи обычно» указывает на вариант, более употребительный в беглой речи, и приводится пример: «пятьдесят — п[и'д'и']сят, в беглой речи обычно п[и'и']сят» [Каленчук и др. 2012: 7]. Соответствующие указания сделаны в словарных статьях числительных *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят*; однако курьезным образом в словарной статье числительного *пятьдесят* такого указания нет!

слов *тысячный*, *двухтысячный* и т. д., *тысячелетие*, *двухтысячелетие* и т. д. написание с буквой *щ* невозможно, и не случайно соответствующее произношение, хотя и встречается в речи, в большинстве орфоэпических справочников не упоминается⁷.

Таким образом, мы видим, что даже в тех случаях, когда варьирование написания можно было бы объяснять вариативностью произношения, однозначной корреляции написания и произношения нет. Наряду с варьированием произношения при стабильном правописании и варьированием написания при стабильном нормативном произношении возможна и ситуация асимметричного варьирования правописания и нормативного произношения, когда некоторая корреляция наблюдается, но полного соответствия нет. Если учитывать такие случаи орфографического варьирования, то обнаруживается немало случаев варьирования буквенного состава слов, связанного с варьированием произношения, но не полностью определяемого им.

Полисемия и орфографическая вариативность

Существует и иной тип орфографического варьирования, когда слово имеет разные значения и в каких-то значениях пишется единообразно, тогда как в других может писаться по-разному. Так, у слова *паремия* есть два значения: (1) чтение из Священного Писания (обычно из Ветхого Завета) на вечернем богослужении; (2) родовое обозначение пословиц и поговорок (ср. [Захаренко и др. 2008: 614]). Во втором значении используется устойчивое безальтернативное написание *паремия*; так же пишется образованное от него название научной дисциплины, изучающей паремии, — *паремиология*. А вот в первом значении можно наблюдать варьирование: *паремия* и *паримия*. Приведу несколько примеров из НКРЯ (всего в основном корпусе обнаруживаем 35 вхождений написания *паремия* — все без исключения именно в значении чтения из Писания на вечерне — и всего лишь два вхождения написания *паримия*):

Ряд мелких эпизодов и стереотипных формул в житии Александра Невского восходит к агиографической литературе, оригинальной («Сказание» о Борисе и Глебе и *паримии* в честь их и др.) и частично перевод-

⁷ Некоторое исключение составляет словарь [Каленчук и др. 2012]; хотя в нем указанное произношение, как представляется, отражено непоследовательно (в частности, это касается нормативных помет). Приведем словарные статьи ряда соответствующих слов без комментариев: **ТЫСЯЧНЫЙ** \\\ ты[ш']ный и допуст. ты[с'ич']ный; **ТЫСЯЧЕЛÉТИЕ** \\\ ты[с'ич']елéтие и допуст. ты[ш'ш']елéтие; **ДВУХТЫСЯЧНЫЙ** \\\ двухты[с'ич']ный в беглой речи возможно двухты[ш']ный; **ДВУХТЫСЯЧЕЛÉТИЕ** (...) \\\ двухты[ш'ш'и]лéтие и допуст. двухты[с'ич'и']лéтие; **ТРÉХТЫСЯЧНЫЙ** \\\ (...) трéхтыся[ч']ный; **ЧЕТЫРÉХТЫСЯЧНЫЙ** \\\ (...) четырёхты[ш'ш']ный и допуст. четырёхты[с'ич']ный и т. д.

ной, и к русским летописным повестям на воинские темы (Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. (XI–XV вв.) (1938));

18 января, в навечерие Богоявления (Крещенский сочельник), Святейший Патриарх совершил вечерню с чтением тринадцати *паримий*, Божественную литургию святителя Василия Великого и великое освящение воды в Вознесенском кафедральном соборе Алма-Аты (Первосвятительский визит в Казахстан // Журнал Московской Патриархии № 2, 2010);

Филарет сочинял службу на случай присяги. Он выбрал для *паремии* главу из Книги царств, где между прочим сказано, что царь собрал и тысячников, и сотников, и евнухов своих. К. А. Нарышкин сказал, что это искусное применение к камергерам. А в городе стали говорить, что во время службы будут молиться за евнухов (А. С. Пушкин. Дневник (1833–1835));

Монахи все-таки, по уставу, во время кафизм и *паремий* сидят, а я желал быть угоднее монахов и всё, бывало, на ногах (А. П. Чехов. Убийство (1895));

Впечатление от этого чтения владыкой *паремий* было не меньшим, чем от его блистательной службы на полиелее (монахиня Игнатия (Петровская). Высоко-Петровский монастырь в 20–30 годы (1993)).

В целом написание *паремия* в рассматриваемом значении, как мы видим, преобладает, но в специализированных церковных изданиях, в том числе справочных, написание *паримия*, возможно, встречается даже чаще⁸. По-видимому, написание слова *паремия* через *и* (т. е. *паримия*) следует воспринимать как ошибку в тех случаях, когда речь идет об объекте паремиологии, но как допустимую вариативность, когда имеется в виду богослужебное чтение.

Орфографическая интуиция и предписания справочников

Наряду с этим мы можем наблюдать варьирование буквенного состава в тех случаях, когда орфографическая интуиция многих грамотных людей расходится с тем, что предписывают правила и словари. В этих случаях орфографическое варьирование почти неизбежно, поскольку грамотные носители языка могут ориентироваться как на рекомендации правил, так и на собственную орфографическую интуицию. При этом в некоторых случаях вопрос, какое написание считать «правильным», оказывается не так прост. Если многие грамотные носители языка, даже будучи знакомыми

⁸ Ср., например, определение из «Словаря церковных терминов», приложенного к справочнику [Марк 2007]: «**Паримии** (*греч.* *пароція* — притча) чтения из Ветхого (главным образом) или Нового Завета на вечерних богослужениях (обычно накануне праздника). <...>».

с рекомендациями правил, настаивают на написании, которое им предписывает их интуиция, то это по меньшей мере повод задуматься, так ли хороши данные рекомендации.

Многие грамотные люди пишут слова *речовка* и *мелочовка* с буквой *е* после *ч* (*речевка* и *мелочевка*), тогда как правила орфографии предписывают использовать букву *о*. Приведу формулировку «Полного академического справочника» [ПАС 2007: 28–29]:

§ 18. После *ж, ч, ш, щ* для передачи ударного гласного *о* пишется буква *о* или *ё*.

Буква *о* пишется в следующих случаях.

1. <...>

2. <...>

-овк(а) (в отыменных производных словах), напр.: *чижовка* (самка чиж), *мышовка* (грызун), *хрычовка*, *мелочовка*;

<...>

3. В (...) существительных на -овка, -овник, производных от прилагательных с суффиксом -ов- (-ев-): *грушовка* и *грушовник* (ср. *грушевый*), *ножовка* (ср. *ножевой* и вариант *ножовый*), <...>, *речовка* (*речевой*), <...>.

К этому параграфу добавлено примечание, в котором *мелочовка* упоминается еще раз:

Примечание 1. Отыменные существительные на -овка типа *мелочовка*, *ножовка*, *плащовка* следует отличать от отглагольных существительных типа *ночёвка* (см. § 19, п. 3).

Но в реальных русских текстах, в том числе прошедших корректуру, доминируют иные написания: *речевка* и *мелочевка*. Приведу несколько примеров из НКРЯ.

Написание *речевка*:

Зачином статьи был затверженный в тот год, как *речевка*, и торжественный, как заклинание, перечень нечерноземных бед и проблем (А. Дмитриев. *Закрытая книга* (1999));

Она хотела, чтобы они по дороге говорили *речевку*, но никто не знал слов (М. Трауб. *Домик на Юге* (2009));

Это привычный, даже скучный антураж жизни. Что-то вроде пионерской *речёвки* тридцатилетней давности (В. Елистратов. *Тест и культура речи* // «Наука и жизнь», 2009);

Они идут мимо, колышутся тысячи флагов, стройно звучат *речевки* <...> (Иван Давыдов. *Вы готовы, дети?* // «Русская жизнь», 2012);

И Колюня орал вместе с ними, так что сердце таяло от восторга. Вслед за этим в зал бросалась следующая, ещё более торжественная и патетичная, *речевка*: Эль пуэбло унидо — хамас сэра венсидо! (А. Варламов. *Купавна* // «Новый Мир», 2000).

Написания *мелочевка* еще более многочисленны. Приведем лишь некоторые:

Пора, товарищи, завязывать с *мелочевкой* (В. Аксенов. Негатив положительного героя (1996));

«У этого не брал! Такой *мелочевкой* не занимаемся!» (В. Попов. Грибники ходят с ножами (1997));

Она пошла под лестницу, там висела дяди Мишина рабочая телогрейка, которая не раз выручала ее по *мелочевке* (Л. Улицкая. Бедная счастливая Колыванова (1998));

Сколько прегрешений, совершенных и несовершенных было за мою жизнь, тут и гордыня, и гонор, и кощунства, и грех уныния, глупость, и запутанность в *мелочевке* — сколько грязных страниц, ошибок, столько ужасов... (А. Вознесенский. На виртуальном ветру (1998));

Тот, кто внутри вращается, увлекается *мелочёвкой* этой жизни, — уже не видит в целом этой жизни и не понимает в целом этого смысла (А. И. Осипов. Смысл жизни может быть только в жизни! // Православная газета, 1999);

Первичность еды и женщины решена только на уровне крыс и прочей животной *мелочевки* (Г. Щербакова. Моление о Еве (2000));

Столько хороших холостяков без дела, а вся мужская *мелочевка* бракуется как оглашенная (Там же);

Теперь главное — не попасться на *мелочевке* (М. Кураев. Записки беглого кинематографиста // «Новый Мир», 2001);

Надо было снова разгрести что скопилось и, разобравшись с *мелочевкой*, выискать первородыш причины и, вытянув его за хвост, заглянуть в мелкие бусинки игольчатых дерзких глаз без страха и гадливости, а с участием, как глядят в самого себя (С. Коковкин. Кольцо // «Звезда», 2002);

Он даже фыркнул и перешел на «ты» — мол, все это семечки, старик. *Мелочевка*. Езжай домой, старик (В. Маканин. Неадекватен // «Новый Мир», 2002);

Но лучше всего ехать на крыше, рядом с мешочниками, с беженцами, что везут и скарб, и детишек, беспризорную шантрапу, и прочую человеческую *мелочевку*, которая, если разобраться, и есть Россия (А. Приставкин. Вагончик мой дальний (2005));

По такой *мелочевке* никто дело возбуждать не будет! Подержат в дежурке и отпустят (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011));

Приходилось подрабатывать *мелочевкой*... (В. Пелевин. S.N.U.F.F (2011)).

Всего в основном корпусе НКРЯ (по состоянию на 10 ноября 2019 г.) встретилось 125 примеров написания *мелочевка* против 20 *мелочовка* и 53 примера написания *речевка* против 5 *речовка*. Перевес написаний, противоречащих рекомендациям ПАС, совершенно очевиден. В газетном подкорпусе НКРЯ перевес не столь значителен, но написания, противоречащие рекомендациям ПАС, доминируют и в нем: обнаруживается 160 примеров написания *мелочевка* против 37 *мелочовка* и 193 примера написания *речевка* против 148 *речовка*.

Впрочем, вариативность *мелочовка* — *мелочевка* и *речовка* — *речевка* все же можно рассматривать как казусы. Более всего варьирование буквенного состава слова характерно для следующих двух случаев: не полностью освоенных заимствований и собственных имен (в том числе при практической транскрипции иноязычных собственных имен).

Заимствования и орфографическая вариативность

В процессе освоения иноязычного заимствования на первом этапе нередко имеет место варьирование его произношения и грамматических характеристик. При этом вариативности произношения часто отвечает вариативность написания⁹. Напомним историю вхождения в русский язык слова *риелтор*. Первоначально, как и во многих других заимствованиях, в этом слове варьировалось место ударения: на первый слог (в соответствии с оригиналом) или на второй слог (в соответствии с тенденциями постановки ударения в словах этого типа в русском языке)¹⁰. При ударении на первом слоге в нем мог произноситься гласный [э] или [и]; соответственно, могли использоваться написания *реалтор*, *резлтор*, *риэлтор*. Первые два написания сейчас совершенно вышли из употребления, хотя некоторые могут вспомнить, что еще совсем недавно — с 2007 по 2014 г. — в Москве действовала организации с официальным названием *ООО «Агентство недвижимости реалтор»* (именно так она именовалась в документах о регистрации и в Едином государственном реестре юридических лиц — ЕГРЮЛ). Напротив того, третье написание нередко встречается до сих пор, в частности именно оно используется в официальном названии *Российской гиль-*

⁹ Случаи, когда вариативность написания обусловлена вариативностью грамматических характеристик встречаются значительно реже, но все же она не полностью исключена. Так, слово *бриошь* употреблялось как в мужском, так и в женском роде (*кофе с бриошем* или *кофе с бриошью*) и, соответственно, писалось как *бриош* и *бриошь*. В настоящее время женский род, кажется, победил; все современные справочники рекомендуют употреблять это слово в женском роде и, следовательно, писать *бриошь* (см., например, [Зализняк 2008; РОС 2018]).

¹⁰ Ср. вариативность ударения в слове *маркетинг* — на первом и на втором слоге.

дии риэлторов. Этому способствует то, что оно может читаться и с ударением на втором слоге¹¹, которое постепенно стало побеждать и к настоящему времени почти полностью вытеснило произношение с ударением на первом слоге. При произношении с ударением на втором слоге конкурируют написания *риэлтор* и *риелтор*. Специалисты по орфографии выбрали написание *риелтор*, следуя общему правилу русской орфографии, в соответствии с которым не в начале корня после буквы *и* пишется *е*, а не *э*. Однако понятны резоны, в силу которых многие пишущие продолжают держаться за написание *риэлтор*. Дело в том, что сочетание букв *ие* в разных словах читается по-разному: [иэ] или [ијэ]. Произношение [иэ] характерно для таких слов, как *диез*, *диета* или *спаниель*, а произношение [ијэ] — для *гиена* или *гигиена*¹². Когда необходимо подчеркнуть, что произношение [иэ] оказывается единственно возможным, иногда используется написание с сочетанием букв *иэ*: так, в словаре [Каленчук и др. 2012] вместо *спаниель* использовано написание *спаниэль*.

Собственные имена

Вариативность написания еще более характерна для собственных имен, поскольку их буквенный состав в принципе не регулируется правилами и опирается лишь на традицию. Когда в традиции наблюдается вариативность или же грамотный узус расходится с рекомендациями словарей и справочников, возникает коллизия. Как следует писать: *Евгений Баратынский* или *Евгений Боратынский*? В русских текстах конкурируют написания *Кащей* и *Кощей* (только второе рекомендует [РОС 2018]). По-русски издавна используются два способа написания столицы Португалии — с одной и с двумя буквами *с* (*Лисабон* и *Лиссабон*). Написание с одной буквой *с* используется преимущественно в энциклопедических изданиях, а с двумя буквами *с* — на географических картах (впрочем, это лишь тенденция, а не жесткое распределение). Такая же вариативность наблюдается в производных *лис(с)абонец* и *лис(с)абонский*. [РОС 2018] рекомендует написание с одной буквой *с*: *лисабонец* и *лисабонский*; однако в узусе написания с двумя буквами *с* встречаются значительно чаще. Так, в основном корпусе НКРЯ (по состоянию на 10 ноября 2019 г.) написание *Лиссабон* встретилось 596 раз против 16 раз *Лисабон*, *лиссабонский* — 116 раз против двух вхождений написания *лисабонский*, *лиссабонец* — семь раз (*лисабонец* — ни разу). В газетном подкорпусе НКРЯ написание *Лиссабон* встретилось 1176 раз против трех вхождений *Лисабон*, *лиссабонский* —

¹¹ Строго говоря, так же могло бы читаться и написание *резлтор*, но оно с самого начала было маргинальным.

¹² Впрочем, в словаре [Каленчук и др. 2012] двойное произношение признается допустимым для всех этих слов.

624 раза против одного вхождения написания *лисабонский*, *лиссабонец* — 45 раз (*лисабонец* — ни разу).

Паспортисты могут уверять, что *Лившиц* и *Лифшиц* — разные фамилии, которые должны писаться в соответствии с написанием в официальных документах. Но есть не так мало людей, у которых в разных документах использовалось разное написание (что иногда создавало для них трудности: приходилось доказывать свое тождество самому себе). Возможна ли здесь однозначная кодификация?

Когда мы имеем дело с иноязычными именами собственными, традиция может сложным образом взаимодействовать с правилами практической транскрипции. В грамотном узусе встречается и написание *Вильям*, и написание *Уильям*. В основном корпусе НКРЯ сочетание *Вильям Шекспир* встретилось 67 раз, сочетание *Уильям Шекспир* — 21 раз. В газетном под-корпусе НКРЯ соотношение обратное: сочетание *Вильям Шекспир* встретилось 29 раз, сочетание *Уильям Шекспир* — 71 раз.

Другие случаи орфографической вариативности

Следует иметь в виду, что варьирование буквенного состава слов — далеко не самый частый случай орфографического варьирования. Значительно чаще наблюдается вариативность в отношении слитного, раздельного и дефисного написания языковых выражений и использования прописных букв в выделительной функции.

Правила слитного, раздельного и дефисного написания языковых выражений сложны и запутанны; они составляют особую проблему, заслуживающую обсуждения в отдельной статье. Здесь можно кратко указать на необходимость различать ситуацию неустановленной или вариативной нормы и ситуацию, когда формулировка правила не позволяет определить норму, которая интуитивно ясна всем грамотным пишущим. Во втором случае вариативности нет, хотя, разумеется, совершенствование формулировки бывает крайне желательно.

При этом иногда уточнение формулировки может приводить к новым неточностям. Так, со школьных времен грамотным носителям русского языка памятно правило «*не* с глаголами пишется раздельно»; иногда это правило подвергается детализации: «*не* пишется раздельно с инфинитивом, спрягаемыми формами глаголов, краткими причастиями и деепричастиями». Однако из этого правила есть исключение, подпадающее под другое, более общее правило: «если после *не* следует составляющая, не употребляющаяся в качестве самостоятельного слова, то *не* пишется слитно», например *невзлюбить*, *недомогать*, *недоумевать*, «кому-то» *нездоровится*, *ненавидеть*, *несдобровать*. Но на этом остановиться тоже нельзя, поскольку есть глаголы, которые не употребляются без *не*, но тем не менее пишутся с *не* раздельно; таким образом, мы имеем исключение из исключения. Вот что

об этом говорит [ПАС 2007: 152]: «...по традиции пишутся отдельно: *не поздоровиться, не преминуть, не обессудь(те), не обинуюсь*». Впрочем, эта формулировка тоже содержит имплицитную неточность. Дело в том, что глагол *поздоровиться* вполне употребляется без *не* (часто в контексте скрытого отрицания или в полемическом контексте); ср. примеры из НКРЯ:

...⟨О⟩т этой «аналогии» вряд ли поздоровится «социалистическому накоплению»! (Н. И. Бухарин. Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок (1924));

...⟨Е⟩сли бы он рассказал так следователю, который допрашивает партизан, перешедших фронт, вряд ли бы Петру Лазаревичу поздоровилось (Вс. В. Иванов. Дневники (1940–1948));

«Ох, и не поздоровится же этому смельчаку!» — А заводу... поздоровится? (Г. Е. Николаева. Битва в пути (1959));

Впрочем, почему же не поздоровится? Еще как поздоровится! (Ю. Некрасов. Обречено на успех? (1978)).

Это никак не противоречит отдельному написанию *не* с глаголом *поздоровиться*, но заставляет усомниться в целесообразности его включения в ряд глаголов, которые не употребляются без *не*.

Не вполне удачной представляется формулировка [ПАС 2007], призванная объяснить раздельное написание наречного выражения *на авось* (в таких конструкциях, как *действовал на авось*). Сформулированное там правило гласит, что пишутся слитно наречия, «образованные с помощью приставок от наречий», а в примечании говорится, что такие наречия «следует отличать от сочетаний предлогов *на* и *до* с неизменяемыми словами, употребляемыми в значении существительных», и среди примеров приводится пример выражения *на авось* (ясных критериев разграничения авторы формулировки не приводят, считая, очевидно, их само собой разумеющимися). Действительно, есть конструкции, в которых *на авось* — сочетание предлога *на* со словом *авось*, употребляемым в значении существительного, например *(по)надеялся на авось, рассчитывал на авось*. Однако в конструкции *действовал на авось* предлогу *на* неоткуда взяться — *на авось* представляет собою идиоматическое выражение, примыкающее к глаголу¹³. Можно пояснить это, рассмотрев сходную по смыслу пару *на удачу* (например, *надеялся на удачу* — предлог с существительным) и *наудачу* (например, *вытащил билет наудачу* — наречие). Такого рода пары вовсе не редкость, и языковой статус конструкций с предлогом не зависит от того, имеем ли мы дело с исконным существительным или с неизменяемым словом «в значении существительного» (ср. *перенесли процедуру на утро* и *наутро больному стало лучше; отложить работу на завтра* и *назавтра они расстались*).

¹³ Языковой статус наречного выражения *на авось* рассматривается в статье [Шмелев 20176].

Сказанное не означает, что следует пересмотреть орфографическую норму, заключающуюся в раздельном написании наречного выражения *на авось*. Этот пример призван иллюстрировать зыбкость формулировок в сфере слитного и раздельного написания и необходимость предельной аккуратности в выборе формулировки правил.

Заметим, что никакая вариативность орфографических норм в рассмотренных случаях не предполагается: нормы вполне установились. Однако недостаточно четкие формулировки орфографических правил препятствуют тому, чтобы определить нормативное написание в тех случаях, когда норма вызывает сомнение у пишущего или попросту не установилась. Не случайно в конце раздела [ПАС 2007], посвященного слитному, раздельному и дефисному написанию наречий, мы обнаруживаем § 139, в котором прямо признается, что слитное или раздельное написание значительной части наречий и наречных выражений «не зависит ни от употребительности той части слова, которая следует за предлогом-приставкой, ни от самого предлога-приставки и определяется лишь письменной традицией». В параграфе говорится, что их написание «устанавливается в словарном порядке», и приводятся длинные списки таких выражений, пишущихся слитно или раздельно. Когда действительно существует устойчивая письменная традиция, мы можем говорить об устойчивой орфографической норме, пусть даже не описываемой четким правилом и определяемой в списочном порядке. Однако в ряде случаев в грамотном узусе обнаруживается вариативность: так, наряду с рекомендуемым написанием *на ощупь*, не так уж редко используется слитное написание *наощупь* (хотя действительно раздельное написание встречается чаще). Представляется, что для таких случаев полезно предусмотреть вариативность, тем более что и в рассматриваемом разделе [ПАС 2007] эксплицитно признается, что есть случаи, когда пишущий может выбрать и слитное, и раздельное написание, например *гнезда наверху (наверху) дерева*. Не случайно именно слитное и раздельное написание наречий и наречных выражений издавна было той областью, в которой ряд авторов был готов допустить вариативность написаний¹⁴.

Употребление прописных букв

Правила выделительного употребления прописных букв¹⁵ относятся к той области орфографии, в которой вариативность практически неиз-

¹⁴ Например, «...учитывая подвижность многих наречных образований, целесообразно разрешить в их написании вариативность» ([Панов 1964: 119]; ср. также [Кузьмина 2001: 408–411]).

¹⁵ Выделительное употребление прописных букв противопоставляется позиционному. Позиционное употребление прописных букв зависит от позиции в тексте: в начале предложения, в начале стихотворной строки, в заголовке, набранном одними прописными буквами. Напротив того, выделительное употребление пропис-

бежна. В определенных случаях такая вариативность учитывается правилами [ПАС 2007]: относительно слов *природа, человек, свобода, добро, отечество, отчизна, родина, учитель* и некоторых других в § 203 говорится, что их допустимо писать как со строчной, так и с прописной буквы, причем прописная буква в начале этих слов выбирается «в контекстах, где им приписывается особый высокий смысл».

Вариативность в использовании прописных букв обнаруживается даже в отношении написания собственных имен людей, причем выбор прописной или строчной буквы неразрывно связан со слитным, раздельным или дефисным написанием. В грамотном узусе используются написания *ван Эйк, Ван-Эйк* или *Ван Эйк* (правда, в настоящее время написание с дефисом встречается реже). Ни [ПАС 2007], ни [РОС 2018] не дают нам ответа на вопрос, какое написание следует предпочесть. Если мы обратимся к специализированному словарю [Лопатин и др. 2007], то увидим, что в нем рекомендовано написание *Ван Эйк*, однако насколько мы можем доверять такой рекомендации и чем обусловлено принятое в словаре решение?

На основании [ПАС 2007] и следующего за ним словаря [Лопатин и др. 2007] мы можем установить, что кодификаторы предписывают писать *дон Сезар де Базан* (литературный персонаж), *Дон Жуан* (когда это имя литературного персонажа) и *донжуан* (при обозначении искателя любовных приключений). Но как следует писать имя персонажа «Каменного гостя»: *дон Гуан* или *Дон Гуан*? В русских переводах книги Кастанеды «Учение дона Хуана» и романа Бальестера «Дон Хуан» фигурирует персонаж, имя которого можно записать и как *дон Хуан*, и как *Дон Хуан*. В практике печати используется и то, и другое написание.

Когда нарицательное употребление имени собственного полностью конвенционализировано, соответствующее существительное пишется со строчной буквы (*хам, ловелас*). Однако такая конвенционализация представляет собою постепенный процесс, и для ряда имен, употребляющихся в нарицательном значении, выбор написания с прописной или строчной буквы не очевиден¹⁶.

В отношении использования прописных букв в названиях, «связанных с религией», вариативность оказывается почти неизбежной, поскольку соответствующий раздел справочника [ПАС 2007] не только не полон, но и противоречив. Можно привести характерный пример такой вариативности при обозначении отцов Церкви. В течение 2016–2017 учебного года на доске объявлений факультета дополнительного образования Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета можно было видеть объявления о предлагаемых курсах. Описания трех курсов включали упо-

ных букв предполагает, что то или иное слово пишется с прописной буквы, независимо от позиции в тексте.

¹⁶ Некоторые коллизии, связанные с написанием собственных имен людей с прописной буквы, обсуждаются в моей статье [Шмелев 2020].

минание «учения святых отцов». При этом сочетание *святых отцов* было написано в них тремя разными способами: *святых отцов*, *святых Отцов* и *Святых Отцов*. Такая же вариативность представлена и в текстах, вошедших в НКРЯ. Справочник [ПАС 2007] не дает ответа на вопрос, как правильно: соответствующее сочетание в нем вовсе не упоминается. А в словаре [Лопатин и др. 2007] дается написание *Святые Отцы* (с двумя прописными) с пометой *богосл.* Однако это решение трудно признать удачным. При таком решении неизбежно возникнет вопрос, как же писать сочетание *свя-тые праотцы*, в котором две прописные кажутся совсем неуместными. Представляется, что более уместно следовать церковной традиции и писать оба слова со строчной буквы, и лишь в случаях, когда слово *святые* пропускается, писать *учение Отцов* во избежание неверного понимания¹⁷.

Есть и другие примеры вариативности в употреблении прописных букв в выделительной функции. Часть из них касается речевого этикета, например употребления прописных букв в переписке в некоторых обращениях (*в/Ваши* *в/Высокопреподобие*; *м/Милостивый* *г/Государь*). Ни [ПАС 2007], ни словарь [Лопатин и др. 2007] не дают ответа на все возникающие вопросы, а в ряде случаев, когда ответ дается, он представляется немотивированным¹⁸.

Общеобязательные правила употребления прописных букв в выделительной функции можно сформулировать в нескольких параграфах, дополнив их максимально детальными рекомендациями; однако отклонение от этих рекомендаций не должно считаться орфографической ошибкой, и в определенных случаях неизбежно будет допускаться вариативность.

Заключительные замечания

Итак, возвращаясь к статье И. В. Нечаевой и Н. В. Перцова, замечу, что ее общий вывод мне кажется совершенно верным: следует «принять орфографическую вариантность в ее лингвистически обоснованных границах» [Нечаева, Перцов 2020: 33]. Однако некоторые моменты в их аргументации вызывают определенные сомнения.

Ключевым для подхода И. В. Нечаевой и Н. В. Перцова можно считать положение, согласно которому вариативность орфографии определяется узусом. Они ссылаются на следующее высказывание В. А. Плунгяна: «именно узус — т. е. тексты — и является единственной подлинной реальностью науки о языке, т. е. объектом, доступным непосредственному на-

¹⁷ Подробный анализ правил использования прописных букв в названиях, «связанных с религией», содержащихся в [ПАС 2007], и практики церковной и светской печати, проводится в моей статье [Шмелев 2017в].

¹⁸ Так, в словаре [Лопатин и др. 2007] предлагается писать *Верховный Совет*, но *Верховная рада*; каких-либо обоснований при этом не дается. В узусе встречаются варианты с одной или с двумя прописными для обоих сочетаний.

блюдению» [Там же: 12]. Даже в применении к описательной лингвистике такое утверждение можно считать некоторым преувеличением: в рамках массовых опросов наблюдаемую реальность представляют собою ответы информантов на задаваемые вопросы, например их оценка степени приемлемости предъявляемых им высказываний. Но в применении к кодификации норм и, в частности, орфографической кодификации ориентация исключительно на узус ведет в тупик.

Собственно, необходимость кодификации норм возникает именно вследствие того, что в узусе обнаруживаются явления, которые языковое сообщество в лице своих образованных представителей готово счесть «неправильными». Иногда такие явления оказываются массовыми, и тогда появляется возможность говорить о «распространенной ошибке» (в применении к орфографии речь должна идти о распространенной орфографической ошибке). Распространенные орфографические ошибки могут встретиться и в текстах, включенных в НКРЯ.

Упомянем лишь один пример распространенной орфографической ошибки — неразличение частиц *не* и *ни*. Оно стало массовым, и соответствующих примеров довольно много в НКРЯ. Приведем несколько:

Философия, где бы она не возникала, обладает одним важнейшим «родовым признаком» — наличием исследовательской рефлексии или теоретизирования (В. Г. Лысенко. Классическая индийская философия в переводах и исследованиях российских ученых (1990–1996) (1996));

Но члены экипажа всех поколений, где бы они не служили и не жили потом, продолжают поддерживать друг с другом тесные связи и по мере возможности собираться вместе вспомнить пройденное, помянуть ушедших, поддержать друг друга и просто пообщаться, потому как однажды рождённое подводное братство — это навсегда! (В. Овчинников. Настоящий экипаж // «Родина», 2011);

Очень греют душу такие слова — «Где бы мы не жили, Родина у нас у всех одна, это Царствие Небесное» (А. А. Данилова. Местность любви (2015.11.09) // Православие и мир (pravmir.ru), 2015).

Встречается и «противоположная» ошибка — использование *ни* вместо нормативного *не*, например:

О чём он только ни писал, что только ни описывал, в каком только уголке степи ни побывал и какие только истории с таинственными подземельями и скелетами с ним не случались! (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964))¹⁹.

¹⁹ Обратим внимание на то, что в трех случаях использовано *ни* вместо правильного *не*, но в последнем случае нормативная орфография восстановлена и написано *не*, как и следует.

Указанное неразличение поддерживается смешением этих частиц в живой речи, не только на письме, что отчетливо видно в ситуациях, когда частица оказывается под ударением, например:

Всякое может случиться. Но знайте / где бы вы не были / где бы я не был / я всегда буду помнить о вас / я обязательно вас найду. А сейчас... Одну минуту, сейчас (А. Серый, Г. Данелия, В. Токарева. Джентльмены удачи, к/ф (1972));

Мы желаем вам огромной любви к своей родине / где бы вы не были и не находились (С чего начинается родина / радиопрограмма «Серебряный колокольчик» (г. Казань) (2006));

Как сказал ещё в первые дни разгоравшейся Второй мировой войны Франклин Рузвельт / «Где бы не был нарушен мир / мир повсюду оказывается в безопасности и под угрозой» (В. В. Путин. Речь на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года (2007)).

Эти примеры демонстрируют, что граница между собственно орфографической ошибкой и речевой ошибкой не всегда очевидна. Однако в любом случае частотность отклонения от нормы не делает это отклонение нормой. Здесь релевантным представляется следующее замечание С. И. Ожегова: «Языковая норма — не статистическое явление, ибо распространенной и часто повторяющейся в языке может быть, как известно, и ошибка» [Ожегов 1955: 14].

Сущность орфографической вариативности не в том, что наблюдается варьирование написаний в узусе, а в том, что языковое сообщество в лице своих образованных представителей готово признать конкурирующие написания в равной мере «правильными». Именно в этом случае решение кодификатора, выбирающего какой-то один вариант и отвергающего другие, воспринимается как произвольное и не подкрепленное орфографической реальностью.

Словари и справочники

Еськова 2015 — Н. А. Е с ь к о в а (ред.). Орфоэпический словарь русского языка / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова. М., 2015.

Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Грамматический словарь русского языка. М., 2008.

Захаренко и др. 2008 — Е. Н. З а х а р е н к о, Л. Н. К о м а р о в а, И. В. Н е - ч а е в а. Новый толковый словарь иностранных слов. М., 2008.

Каленчук и др. 2012 — М. Л. К а л е н ч у к, Л. Л. К а с а т к и н, Р. Ф. К а - с а т к и н а. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты. М., 2012.

Лопатин и др. 2007 — В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. Прописная или строчная? Орфографический словарь. М., 2007.

ПАС 2007 — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / В. В. Лопатин (ред.). М., 2007.

Правила 1956 — Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

РОС 2018 — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / В. В. Лопатин, О. Е. Иванова (ред.). М., 2018.

Л и т е р а т у р а

Булыгина, Шмелев 2000 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Числительные в русском языке; лексикографические лакуны // Слово в тексте и слово в слове. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 289–306.

Кузьмина 2001 — С. М. Кузьмина. Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) // Жизнь языка. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 406–411.

Марк 2007 — Марк, епископ Егорьевский. Церковный протокол. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2007.

Нечаева, Перцов 2020 — И. В. Нечаева, Н. В. Перцов. О вариативности в русской орфографии // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1 (39). С. 10–35.

Ожегов 1955 — С. И. Ожегов. Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. Вып. 1. М., 1955. С. 5–33.

Панов 1964 — М. В. Панов. О слитных и раздельных написаниях // Вопросы орфографии. М.: Наука, 1964. С. 100–119.

Шмелев 2004 — А. Д. Шмелев. Проблема кодификации в сфере орфоэпии: личный вкус или объективные данные? // Культура русской звучащей речи: традиции и современность. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. С. 116–119.

Шмелев 2009 — А. Д. Шмелев. Орфографические нормы и орфографические правила // Русский язык в школе. 2009. № 9. С. 70–75.

Шмелев 2014 — А. Д. Шмелев. Числительные и числовые конструкции в русском языке: лакуны в словарях и грамматических описаниях // Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах. М.: Ленанд, 2014. С. 57–67.

Шмелев 2017а — А. Д. Шмелев. Возможна ли кодификация языковых норм в эпоху социальных и культурных изменений? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 13. М., 2017. С. 191–198.

Шмелев 2017б — А. Д. Шмелев. Русские *авось* и *небось* revisited // Die Welt der Slaven. 2017. Т. 62, № 2. С. 276–303.

Шмелев 2017в — А. Д. Шмелев. Прописные буквы в светской и церковной печати // Сретенский сборник. 2017. № 7–8. С. 698–734.

Шмелев 2020 — А. Д. Шмелев. Кодификация русской орфографии и написание собственных имен людей с прописной буквы — есть ли проблема? // Русская речь. 2020. № 4. С. 42–53.

Статья получена 25.01.2021

Alexei D. Shmelev

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
shmelev.alexei@gmail.com

VARIATION IN RUSSIAN ORTHOGRAPHY OR COMMON MISTAKES?

This paper deals with the variation in spelling of some Russian words as well as in capitalization, hyphenation, and spelling with or without a space, as well as with some other issues of Russian orthography. It draws attention to the asymmetry in orthographic and orthoepic variation. The analysis makes use of the distinction between usage and norm as well as the distinction between orthographic norms and orthographic rules, and the paper recognizes two types of orthographic lacunae associated with this distinction: unspecified norms (including variation of norms) and the lack of relevant rules. The analysis substantiates the claim that orthographic variation may be justified. However, one should distinguish between acceptable orthographic variation and orthographic mistakes even though those mistakes may occur in usage quite frequently.

Keywords: orthography, usage, variation, norm, codification, orthographic mistake

References

- Bulygina, T. V., & Shmelev, A. D. (2000). Chislitel'nye v russkom yazyke; leksiko-graficheskie lakuny. In L. L. Iomdin, & L. P. Krysin (Eds.), *Slovo v tekste i slovo v slove* (pp. 289–306). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Kuz'mina, S. M. (2001). Ob umiagchenii nravov russkoi orfografii (k probleme variativnosti napisanii). In S. M. Kuz'mina (Ed.), *Zhizn' yazyka* (pp. 406–411). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Mark, episkop Egor'evskii (2007). *Tserkovnyi protokol*. Moscow: Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi.
- Nechaeva, I. V., & Pertsov, N. V. (2020). O variativnosti v russkoi orfografii. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(39), 10–35.
- Ozhegov, S. I. (1955). Ocherednye voprosy kul'tury rechi. *Voprosy kul'tury rechi*, 1, 5–33.
- Panov, M. V. (1964). O slitnykh i razdel'nykh napisaniiakh. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Voprosy orfografii* (pp. 100–119). Moscow: Nauka.
- Shmelev, A. D. (2004). Problema kodifikatsii v sfere orfoepii: lichnyi vkus ili obektivnye dannye? In *Kul'tura russkoi zvuchashchei rechi: traditsii i sovremennost'* (pp. 116–119). Moscow: Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN.
- Shmelev, A. D. (2009). Orfograficheskie normy i orfograficheskie pravila. *Russkii yazyk v shkole*, 9, 70–75.
- Shmelev, A. D. (2014). Chislitel'nye i chislovye konstruktii v russkom yazyke: lakuny v slovakh i grammaticheskikh opisaniikh. In N. D. Arutiunova (Ed.), *Logicheskii analiz yazyka. Chislovoi kod v raznykh yazykakh i kul'turakh* (pp. 57–67). Moscow: Lenand.
- Shmelev, A. D. (2017). Vozmozhna li kodifikatsiia yazykovykh norm v epokhu sotsial'nykh i kul'turnykh izmenenii? *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 13, 191–198.

Shmelev, A. D. (2017a). Russkie *avos'* i *nebos'* revisited. *Die Welt der Slaven*, 62(2), 276–303.

Shmelev, A. D. (2017b). Propisnye bukvy v svetskoi i tserkovnoi pečati. *Sretenskii sbornik*, 7–8, 698–734.

Shmelev, A. D. (2020). Kodifikatsiia russkoi orfografii i napisanie sobstvennykh imen liudei s propisnoi bukvy — est' li problema? *Russkaia rech'*, 4, 42–53.

Received on January 21, 2021